

Въ Петербургѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

(Къ 30-лѣтію литературной дѣятельности
М. М. Мариной).

30-ть лѣтъ тому назадъ 16 марта 1884-го года на страницахъ „Задушевнаго Слова“ помѣщенъ былъ первый появившійся въ печати рассказъ Дези (М. М. Мариной), а затѣмъ печатались ея рассказы въ „Задушевномъ Словѣ“, „Дѣтской газеткѣ“, „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“.

Очерки, путевыя замѣтки, корреспонденціи, историческія статьи, біографіи, воспоминанія, маленькіе рассказы—подъ псевдонимомъ Марина помѣщались разновременно: въ „Южныхъ Запискахъ“ (Одесса), „Журналѣ Начинающихъ“ (Кишиневъ), „Вѣра и Жизнь“ (Черниговъ), „Весь Міръ“, „Русской Землѣ“, „Русской Рѣчи“, „Одесскомъ Листкѣ“, „Отдыхѣ Христіанина“, „Русскомъ Архивѣ“, „Вѣстникѣ Иностранной Литературы“ и „Русской Старинѣ“.

Удѣляя время литературной работѣ, Марина принимала постоянно участіе въ общественной жизни—въ дѣлахъ благотворительности, служенія ближнимъ.

Такъ въ 1891 неурожайномъ году, на средства, полученныя изъ особаго комитета Наслѣдника Цесаревича, Марина, какъ предсѣдательница церк. прих. попечительства (Ряненбургскаго у. Ряз. губ.) организовала общественныя работы—при чемъ помощь населенію, во избѣжаніе продажи скота, выдавалась кормами.—На пособіе отъ комитета в. кн. Ел. Ѳед. на пожертвованія рожью част. лица и кукурузной муки Сѣверо-Ам. штатами были устроены дѣтскія столовыя. На пособіе Кр. Креста и Еп.

Ком. производилась еженедѣльная выдача муки по количеству душъ каждой семьи.

Въ 1904—5 гг. Марина, какъ предсѣдательница Вол. Поп. Кр. Креста въ Кролев. у. Черн. губ., на частныя пожертвованія деньгами, холстомъ, пенькой—имѣла возможность черезъ Губер. Ком. Кр. Креста снабжать раненыхъ воиновъ бѣльемъ и перевязочными средствами.

При основаніи попечительствъ нар. трезвости, Мариной удалось основать первую народную чайную—въ бесплатномъ помѣщеніи волост. правленія и завѣдывать нынѣ упраздненной народной библіотекой-читальней.

Проживая постоянно въ предѣлахъ Черн. губ., хорошо знакомая съ экономическимъ положеніемъ и нуждами населенія, Марина болѣе 25-ти лѣтъ состоитъ дѣятельнымъ корр. Департамента Земледѣлія и Землеустройства. *Ред.*

Петербургъ ХХ столѣтія съ его усовершенствованными автомобилями, яркимъ электрическимъ освѣщеніемъ улицъ, домовъ, магазиновъ, непрерывно быстро движущимся трамваемъ, многочисленными заманчивыми кинематографами, элегантнымъ фешенебельнымъ скэтингъ-рингомъ, автоматическими ресторанами, обиліемъ маленькихъ частныхъ театровъ, разнообразіемъ и новизной общедоступныхъ развлеченій—Петербургъ—модный, шумный, людный оживленіемъ уличнаго движенія, напоминающій Парижъ, до неузнаваемости измѣнившимся—представляется мнѣ не такимъ, какимъ, давно не бывавшая въ немъ—знавала я его въ 60-хъ годахъ ХІХ вѣка и кажется мнѣ, что не четыре десятка лѣтъ, а цѣлое столѣтіе протекло съ того времени, когда въ немъ въ 1862 г. праздновалось ознаменованное многими царскими милостями, увѣковѣченное художественно исполненными медалями—тысячелѣтіе Россіи.

Я не помню, какой именно день былъ посвященъ чествованію этого знаменательнаго—въ исторіи нашей родины—событія. Помнится мнѣ только, что происходило оно въ сентябрѣ мѣсяцѣ; что наканунѣ съ вечера во всѣхъ церквахъ правилось служеніе, которое было особенно торжественно въ соборахъ Исакиевскомъ и Казанскомъ; что въ самый день торжества послѣ обѣдни при звонѣ колоколовъ, сливавшихся въ одинъ величественно-густой гулъ—было совершаемо молебствіе во всѣхъ церквахъ столицы.

Я помню множество флаговъ, которыми были украшены дома: пестрые ковры, спускавшіеся съ балконовъ, транспаранты и вензеля надъ подъѣздами и въ окнахъ магазиновъ и громадную по окончаніи богослуженія, праздничную толпу на площади Владимірской церкви (противъ которой въ домѣ бар. Фредрихса свыше 30 лѣтъ прожили мои родители).

Днемъ въ думѣ, многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было устроено публичное чтеніе, касающееся великаго историческаго значенія этого юбилейнаго дня.

Во всѣхъ театрахъ днемъ давались представленія, при чемъ мѣста предоставлялись бесплатно служащимъ въ различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ — учащимъ и учащимся. Дядѣ, служившему въ то время въ Морскомъ Вѣдомствѣ, была предложена ложа въ Александринскомъ театрѣ.

Ложа эта въ 1-мъ ярусѣ надъ бель-этажемъ приходилась съ лѣвой стороны и въ ней кромѣ меня, сестры и бонны находился какой-то молодой чиновникъ изъ числа подчиненныхъ дяди, котораго раньше мы никогда не видѣли. „Не въ свои сани не садись“ и „Бѣдность не порокъ“. Много разъ исполнялъ оркестръ гимнъ „Боже, Царя храни“, сопровождавшійся долго не смолкавшими криками „ура“, благодаря чему очень втянулся спектакль. Играли, какъ мнѣ помнится, П. А. Каратыгинъ ¹⁾, старушка Липская, Самойловъ, Жулева, Левкѣва и др., имена которыхъ трудно припомнить; но впечатлѣніе этого народнаго спектакля свѣжо сохранилось въ моей памяти на всю послѣдующую жизнь.

Вечеромъ была роскошная, эффектная иллюминація. Особенно красиво были украшены зданія: Думы, Гостиного двора. Главнаго Штаба, Публичной библіотеки и Кокорева ²⁾ (кресла откупщика и мецената) на углу Невскаго и Литейнаго.

Передъ Думой, Гостинымъ дворомъ, Александринскимъ театромъ и въ др. мѣстахъ играли оркестры военной музыки. Шагомъ рядами тянулись одинъ за другимъ собственные экипажи и извозчичьи четырехъ-мѣстныхъ колымаги, такъ какъ не только тротуары, но и середина мостовой представляла сплошную медленно движущуюся массу людей.

При неоднократныхъ восторженныхъ кликахъ „ура“ музыка исполняла народный гимнъ. кажется, что кромѣ него ничего другого не играли военные оркестры въ этотъ вечеръ.

¹⁾ Котораго я впоследствии встрѣчала въ домѣ своего дяди генералъ-Адъютанта Слѣпцова.

²⁾ Противъ бывшаго ресторана Палкина.

Помнится мнѣ, что въ Петербургѣ особенно чествовались въ 60-хъ годахъ не только дни тезоименитства Государя Императора Александра Николаевича и Императрицы Маріи Александровны, но даже такіе табельные дни, какъ годовщины коронаціи, восшествія на престолъ. Не было тогда еще электрическаго, какъ теперь, освѣщенія и необыкновенный въ то время эффектъ производили впервые появившіеся на Думской канчѣ, надъ зданіемъ Публичной бібліотеки (на углу Невскаго и Садовой) и среднихъ воротахъ Гостиного двора вензеля, составленные изъ газовыхъ рожковъ, а также небольшія звѣздочки, замѣнявшія въ тѣ дни газовые фонари возлѣ сада Аничкова дворца.

По краю тротуаровъ не только главныхъ улицъ центра города, но и окраинъ Песковъ, Коломны, Петербургской стороны и т. д. дымились возлѣ тумбъ большія глиняныя плошки, красовалось по 2 свѣчи въ окнахъ зданій присутственныхъ мѣстъ и обывательскихъ домовъ. Въ разныхъ мѣстахъ выставлялись большіе транспаранты на подобіе щитовъ съ царской порфирой, красивыхъ экрановъ. Балконы унизывались рядами цвѣтныхъ (часто бумажныхъ) фонариковъ. Лучшіе магазины Невскаго проспекта и Большой Морской соперничали въ царскіе дни убранствомъ, бюстами и гирляндами зелени—своихъ большихъ витринъ зеркальнаго стекла.

Иллюминація привлекала на центральныя улицы столицы громадную толпу рабочаго, мастерового люда. Въ то время какъ пѣшеходная публика плотной стѣной двигалась по тротуарамъ по срединѣ мостовой (по которой не было еще тогда проложено рельсъ конно-железной дороги), длинной вереницей тянулись два ряда экипажей—каретъ съ гербами и придворными лакеями въ красныхъ ливреяхъ и обшитыхъ золотымъ галуномъ—треуголкахъ на козлахъ, наемныхъ большихъ извозничьихъ 4-хъ мѣстныхъ колымагъ (одиночекъ почти не видно было въ то время, а извозничьи пролетки—не допускались въ кругъ); часто можно было видѣть проѣзжавшихъ по иллюминированнымъ улицамъ членовъ Императорской фамиліи—великихъ князей и княженъ.

30 августа день тезоименитства Государя Императора и великаго князя Александра Александровича ¹⁾, храмовой праздникъ Александро-Невской лавры и самой столицы чествовался

¹⁾ Императора Александра III.

въ 60-хъ годахъ торжественнымъ крестнымъ ходомъ и процессіи золотыхъ каретъ, въ которыхъ великія княгини и княжны, находившіяся въ Петербургѣ, слѣдовали изъ Зимняго Дворца на литургію въ Лаврскій соборъ.

29 вечеромъ спѣшно заканчивалась работа плотниковъ по прокладыванію посрединѣ мостовой Невскаго проспекта широкихъ деревянныхъ мостковъ для грандіознаго, торжественнаго, крестнаго хода изъ Исакиевскаго собора въ Невскую Лавру.

Съ ранняго утра было прекращаемо движеніе экипажей по Невскому проспекту и заставленъ рогатками проѣздъ прилегающихъ къ нему боковыхъ улицъ. Городъ принималъ въ этотъ день необычайно торжественный видъ. Дома, подъѣзды, ворота, фонарные столбы были разукрашены національными флагами, съ балконовъ и открытыхъ оконъ домовъ—свѣшивались пестрые, яркіе ковры. Спозаранка толпился народъ и намъ, смотрѣвшимъ ежегодно процессію изъ квартиры нашего годоваго доктора, ординатора Максимилиановской лѣчебницы К. Б. Кохендѣрфера ¹⁾, приходилось въ 9 ч. утра съ трудомъ пробираться вдоль домовыхъ стѣнъ, позади стоявшей шпалерами по тротуару—публики.

Подъ праздничный, ликующій перезвонъ колоколовъ медленно двигалась по мосткамъ длинная духовная процессія съ хоругвями, чудотворной иконой Казанской Божіей Матери, крестомъ, фонарями. Вслѣдъ за опиравшимися на жезлы архіереями, викарными, окруженными ассистентами съ подобающими ихъ сану атрибутами выступало по-парно почетное столичное духовенство, священники, дьякона въ блестящихъ, ярко горящихъ на солнцѣ, тяжелыхъ парчевыхъ ризахъ, которымъ предшествовали пѣвчіе въ красивыхъ—обшитыхъ галунами—кафтанахъ, а позади громадная толпа народа.

Проводивъ глазами процессію, публика съ интересомъ и волненіемъ ожидала проѣзда высочайшихъ особъ—членовъ Императорской семьи.—Впереди дорогихъ золотыхъ каретъ съ большими зеркальными стеклами, въ открытой коляскѣ ѣхалъ гофмейстеръ императорскаго двора. Экипажи высочайшихъ особъ сопровождались чинами придворнаго вѣдомства—гофъфурьерами, конюшенными служащими и т. д. Въ открытой коляскѣ, окруженные блестящей свитой, проѣзжали великіе князья, привѣтствуемые восторженными кликами „ура“. Непрерывно быстро безъ шума проѣзжали въ каретахъ по торцевой мостовой послы

¹⁾ Имѣвшаго собственный домъ на Невскомъ противъ Знаменской улицы.

иностранныхъ державъ, члены дипломатическаго корпуса, сенаторы и камергеры въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, генералы въ каскахъ съ развѣвающимся по вѣтру красивыми цвѣтными перьями, праздновавшіе 30 августа свой полковой праздникъ офицеры Павловскаго полка въ своихъ высокихъ—(въ видѣ усѣченнаго конуса) историческихъ гренадерахъ.

Послѣ торжественной литургіи и молебствія съ многолѣтіемъ высокимъ гостямъ былъ сервированъ завтракъ въ покояхъ митрополита Исидора.

Помню я хорошо торжественный вѣздъ въ столицу. Невѣсты Августѣйшаго Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича Датской принцессы Дагмары (нынѣ вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны).

День выдался необыкновенный для Петербургской осени, теплый, ясный, солнечный (совсѣмъ лѣтній). Окна домовъ на пути слѣдованія высочайшихъ особъ были открыты настежь и всюду на балконахъ, чердакахъ, крышахъ домовъ—видѣлась масса народа.

Мы смотрѣли на высочайшій проѣздъ изъ оконъ кондитерской Арно, противъ Владимірской церкви въ домѣ барона Б. Авг. Фредерихсъ.—М-г Арно пожилой, но удивительно живой французъ, маленькій, плотный—любезно предоставилъ намъ своимъ покупателямъ, среднее изъ 3-хъ оконъ своей помѣщавшейся въ *rez de chaussée*—кондитерской, славившейся не столько конфетами, тортами и др. сахарными издѣліями, сколько обаяніемъ кокетливой молодой продавщицы¹⁾, привлекавшей кліентовъ своей обворожительной привѣтливостью.

Съ ранняго утра улицы столицы по всему пути слѣдованія кортежа отъ вокзала до Зимняго дворца были переполнены народомъ. Я помню долгіе, дружные восторженные раскаты ура при появленіи той роскошной золотой кареты, въ которой чрезъ зеркальныя стекла можно было ясно видѣть въ русскомъ придворномъ костюмѣ съ кокошникомъ и фатой на головѣ юную невѣсту Наслѣдника Цесаревича, привѣтливой улыбкой, наклоненіемъ головы отвѣчавшей на поклоны и восторженные привѣтствія народа.

Порядокъ на улицахъ въ то время былъ образцовый—публикѣ, стоявшей шпалерой на тротуарѣ, предоставлена была пол-

¹⁾ Она впоследствии сдѣлала блестящую партію, выйдя замужъ за одного изъ постоянныхъ посѣтителей кондитерской Арно—въ которой съ ея уходомъ плохо пошла дѣла. Арно едва могъ расплатиться съ кредиторами.

ная возможность безпрепятственно видѣть вблизи въѣздъ въ столицу ея будущей царицы. Обывателямъ разрѣшено было безъ всякихъ формальностей даже за плату предоставлять желающимъ мѣста на балконахъ и у открытыхъ оконъ.

Жителямъ Петербурга того времени часто представлялась возможность видѣть любимаго Государя или вѣдущимъ въ коляскѣ или въ саняхъ по улицамъ столицы или же гуляющимъ пешкомъ отъ 2—до 3-хъ часовъ пополудни—въ Лѣтнемъ саду въ сопровожденіи своей большой любимой собаки, которую хорошо знали воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній—куда сопутствовала она своего Августѣйшаго хозяина.

Съ воспоминаніемъ о Петербургѣ 60-хъ годовъ тѣсно связано представленіе о тѣхъ маленькихъ съ низенькимъ крылечкомъ на столбахъ—окрашенныхъ темной охрой будкахъ, въ которыхъ помѣщались рослые, въ кожаныхъ каскахъ съ мѣдными шишаками будочники. Много ихъ было въ различныхъ частяхъ города, но почему-то особенно помнится мнѣ та, что прилежала къ магазину—типографіи Бенике и Аригольда на Литейной близъ Невскаго—противъ 2-хъ-этажнаго дома оберъ-прокурора Св. Синода. Мнѣ также живо представляется высокая фигура, осанистаго съ бакенбардами Николаевской эпохи—будочника, какъ и того рослаго молодого парня, который продавалъ сбитень¹⁾ (желтаго цвѣта сладкій на патокѣ напитокъ) въ большомъ стеклянномъ съ оловянной крышкой—кувшинѣ, возлѣ зданія Публичной библіотеки на углу Невскаго и Садовой.

Много позднѣе его исчезли съ Невскаго проспекта—сачники, продававшіе свой свѣжій, вкусный товаръ на длинныхъ деревянныхъ, покрытыхъ чистымъ холстомъ—столахъ—при входѣ съ угла Садовой въ Гостиный дворъ.

Кто изъ петербуржцевъ добраго, стараго времени не помнитъ вкуса небольшихъ изъ' крутого тѣста сакъ и соленыхъ витушекъ, испеченныхъ на соломѣ, придававшей имъ какой-то особенный пріятный привкусъ—легкаго дыма.

Въ pendant къ этимъ торговцамъ, бойко торговавшимъ на мѣстахъ въ самомъ оживленномъ центрѣ столицы, представляется цѣлая плеяда мелкихъ продавцовъ различнаго товара, ходившихъ по городу и оглашавшихъ обывательскіе дворы громкимъ

¹⁾ Чай въ то время замѣнялся сбитнемъ даже въ учебныхъ заведеніяхъ, такъ, напримѣръ, въ пріютахъ, Человѣколюбивомъ обществѣ (на Лиговскомъ каналѣ).

выкрикиваніемъ предметовъ своей торговли. Нѣкоторые изъ нихъ, на примѣръ, селедочницы съ корзинками въ видѣ ранца за спиной—съ раннего утра предлагали покупателямъ „селедки голландскія—селедки“. За ними слѣдовали обыкновенно продавцы рыбы, въ плоскихъ бадьяхъ которыхъ плавали еще живые лещи, окуни, лини и пр.

Бойкіе ярославскіе парни съ гвардейской выправкой задорно выкрикивали „молодки, куры битыя“. Немного позднѣе являлись солидные старьевщики, бритые въ нестрыхъ чалмахъ татары съ узлами за плечами—подростки, тряпичники, съ объемистыми холщевыми мѣшками и длинными крючками для добыванія изъ мусорныхъ ямъ костей, тряпокъ и пр. хлама.

Съ наступленіемъ весны, когда въ окнахъ домовъ выставлялись двойныя рамы, число этихъ продавцовъ гастролеровъ значительно увеличивалось—появлялись тогда здоровые молодцы, умудрявшіеся удерживать на головѣ поверхъ круглой подушечки огромные лотки, нагруженные цвѣтущими растеніями: цепераріями, гортензіей и др., а также корзиночками съ различными сортами ягодъ, маленькими коробочками неаполитанскаго шоколада, небольшими круглыми жестянками монпасье и пр. сладостями. На такихъ же лоткахъ, также прикрытыхъ полотнищемъ нестраго ситца съ большими узорами, предлагалась обитателямъ столичныхъ домовъ—всякая зелень: салатъ, огурцы, редисъ и проч.

Значительно позднѣе появлялись на дворахъ странствующие музыканты, которымъ предшествовала въ видѣ авангарда цѣлая толпа задорныхъ, праздныхъ, уличныхъ мальчишекъ. Чаще всего приходили шарманщики-итальянцы, исполнявшіе излюбленныя мелодичныя аріи изъ „Трубадура“, „Лючіи“, „Травиаты“, „Марты“ и др. Нѣкоторые изъ нихъ приносили съ собой маленькихъ, чахлахъ, жалкихъ обезьянокъ въ красныхъ фракахъ и крошечныхъ треуголкахъ или колпачкахъ. Изъ форточекъ выбрасывались на мостовую завернутыя въ газетную бумагу мѣдныя монеты—жалостливой прислугой, преимущественно кухарками, приносились кусочки сахара, бѣлаго хлѣба или сладкихъ сухарей для маленькаго жалкаго обитателя тропическихъ странъ. Живо представляется мнѣ худошавая блондинка, не то латышка или шведка (напоминавшая извѣстную примадонну Нильсонъ), устанавливающая свою арфу на обрывкѣ ковра и медленно, неуверенно перебирающую длинными пальцами многочисленныя струны своего сложнаго инструмента—прислушиваясь въ игрѣ на скрипкѣ старика—вѣроятно отца.

Мнѣ всегда какъ-то особенно жаль было ее — она казалась мнѣ такой болѣзненной, слабой, а игра на такомъ сложномъ инструментѣ, какъ арфа, такой трудной, при плохо оплачиваемомъ исполненіи, хотя бы и не разнообразнаго репертуара. Часто она нѣсколько разъ бросивъ умоляющій взглядъ на окна — какъ-то особенно уныло принималась за повтореніе тѣхъ же пьесъ. Иногда маленькая, рѣзвая дѣвочка старательно била палочкой въ металлическій треугольникъ въ то время, какъ закутанная въ байковый платокъ женщина, подъ аккомпаниментъ своей небольшой скрипучей шарманки, жалостливымъ голосомъ распѣвала „Отгадай, моя родная, отчего я такъ грустна“ или „Хуторокъ“, „Что ты спишь, мужичекъ, вѣдь весна на дворѣ“¹⁾ и пр.

Вышеупомянутые музыканты не встрѣчали такого вниманья со стороны публики и не привлекали столько слушателей, какъ извѣдка появившійся оркестръ изъ 5-ти какихъ-то развязныхъ буршей, въ круглыхъ шапочкахъ, которые на своихъ плохихъ струнныхъ инструментахъ, ускореннымъ темпомъ исполняли излюбленный въ то время „Персидскій маршъ“, Folichep польку и какой-то бравурный галопъ...

Правились также представленія цѣлой семьи акробатовъ, состоявшей изъ шарманщика-отца и двухъ ловкихъ, одѣтыхъ въ поношенное трико мальчугановъ 7 и 11 лѣтъ. Слѣшно сдерживъ съ себя потертое, порыжѣвшее отъ времени пальто съ оборванными пуговицами, старшій, раскинувъ старый полинявшій коврикъ, принимался кувыркаться — онъ катился колесомъ, кружился волчкомъ, становился на руки внизъ головой. Когда онъ поднимался на ноги, почти тѣ же эволюціи продѣлывалъ младшій, вслѣдъ за тѣмъ взбиравшійся на плечи старшаго, который, боясь потерять равновѣсіе, медленно съ тяжелой ношей — переступалъ съ ноги на ногу. Проворно спрыгнувъ на землю и облегченно вздохнувъ, маленькій гимнастъ, высоко поднимавъ надъ головой свой старенькій картузь, пристально всматривался въ ряды оконъ, изъ открытыхъ форточекъ которыхъ выбрасывалась на камни мостовой — скудная подачка. Поднимая съ земли мѣдныя монеты, онъ привѣтливо кивалъ головой сострадательнымъ обывателямъ.

Но наибольшимъ интересомъ со стороны публики пользовались представленія Петрушки. Они привлекали всегда даже въ

¹⁾ Изъ романсовъ того времени самыми модными были „у камня“, „Только станеть смеркаться немножко“, „говорять, что я кокетка“, „Ен ужъ вѣтъ“ романсы Алябьева, Варламова, Даргомыжскаго.

самую дождливую, плохую погоду массу зрителей, не только домовой прислуги, подмастерьевъ и учениковъ ремесленниковъ, которыхъ хозяева того времени ради дешевизны одѣвали въ тиковые полосатые, опоясанные ремешкомъ—халаты, но и проходившихъ мимо двора: гимназистовъ съ ранцами, лавочныхъ мальчишекъ съ корзинами, прилично одѣтыхъ дѣтей съ нянями. Всѣхъ, казалось, въ одинаковой степени интересовала энергичная палочная расправа, пронзительный крикъ самого Петрушки, реплики остальныхъ участвующихъ лицъ, послѣдовательно высовывавшихся изъ-за ширмы.

Петрушка дѣлалъ сборы, превосходившіе достававшіеся на долю всѣхъ остальныхъ странствующихъ, въ дождь, холодъ и непогоду—жалкихъ, уличныхъ—гастролѣровъ.

Взамѣнъ старыхъ, съ гостепріимно настезь открытыми воротами, появились громадныя на подобіе американскихъ „небоскребовъ“ многоэтажныя дома подобно тому, что высится въ настоящее время возлѣ Екатерининскаго института, занимающій часть сада, прилегающаго къ выходящему своимъ фасадомъ на Фонтанку—домъ графа Шереметева...

Часть стѣны каменной, служившей нѣкогда пріютомъ отъ дождя для кучеровъ громадной извозчичьей биржи—за которой видѣлись старыя, высокія лица—существуетъ и по сіе время,

Такая же большая извозчичья биржа, состоявшая изъ цѣлаго ряда массивныхъ, четырехъ-мѣстныхъ колымагъ, тянулась по Владимірской улицѣ—подъ окнами гастрономическаго магазина Набликова ¹⁾, помѣщавшагося въ домѣ Палкина ²⁾.

Я помню хорошо настезь открытыя ворота, съ большой высокой, неугасимой лампадой и каменную стѣну Троицкаго подворья со стороны Троицкаго переулка ³⁾. Тротуаръ въ двѣ широкія плиты проложенъ былъ внутри двора до воротъ, выходящихъ на Фонтанку возлѣ дома Зиновьева. Мнѣ помнятся большія, старыя березы на этомъ дворѣ—и видѣвшаяся вывѣска иконописца надъ одноэтажнымъ флигелькомъ, пріютившимся по лѣвую сторону воротъ. На мѣстѣ воротъ съ иконой, старыхъ березъ и каменной стѣны—высится въ настоящее время принадлежащій Троицкому подворью доходный, многоэтажный домъ, низъ котораго заняты магазинами, а остальные этажи комфортабельными, дорогими квартирами. Противъ воротъ подворья

¹⁾ Нынѣ Соловьева.

²⁾ Владѣльца лучшаго въ то время послѣ „Малаго Ярославца“, ресторана.

³⁾ Нынѣ Троицкой улицы, застроенной большими высокими домами.

того времени, существовалъ нѣкогда—магазинъ, а при немъ мастерская и квартира—нашего поставщика обуви—Цапки.

На той же сторонѣ на углу Графскаго переулка, внизу помещалось питейное заведеніе съ вывѣской „распивочно—на выносъ“, стяжавшее печальную извѣстность какимъ-то убійствомъ, съ цѣлью грабежа. На небольшомъ пространствѣ переулка до угла Владимірской ютилось еще нѣсколько подобныхъ заведеній, и потому здѣсь всегда можно было встрѣтить буйную пьяную компанію, заставлявшую прохожихъ уступать себѣ дорогу на узкомъ тротуарѣ.

Любимымъ мѣстомъ прогулки для насъ, дѣтей, до переѣзда на дачу былъ небольшой, тѣнистый садъ при Аничковомъ дворцѣ (ставшемъ съ 1881 любимой резиденціей Императора Александра III и его семьи).

Несмотря на свою сквозную въ то время рѣшетку ¹⁾, онъ большими густыми кустарниками былъ отлично защищенъ отъ пыли и вѣтра, вліянію которыхъ подвергался сосѣдній съ нимъ довольно обширный скверъ на площади Александринскаго театра, гдѣ нынѣ окруженный красивыми клумбами возвышается величественный памятникъ Императрицы Екатерины II.

Публика въ этомъ саду состояла исключительно изъ дѣтей, приносившихъ съ собой веревочку—скакалку, большой обручъ, серсо, тачку и формочки для песка. Блюстителемъ порядка былъ заслуженный солдатъ изъ роты дворцовыхъ гренадеръ; въ длинной черной застегнутой на всѣ пуговицы шинели, со множествомъ медалей, знаковъ отличія на груди. Онъ имѣлъ высокія баки Николаевской эпохи, держался необыкновенно прямо, имѣлъ видъ суровый, строгій и зорко слѣдилъ за играми шаловливой, маленькой публики.

Застигнутыя случайно дождемъ, дѣти часто искали убѣжища подъ арками запаснаго зданія дворца у самаго Аничкова моста, съ интересомъ заглядывая въ окна, сквозь темныя стекла которыхъ, даже въ самые ясные дни, не видна была внутренность помещенія.

Такая же галерея съ арками существовала нѣкогда и подъ зданіемъ Думы, со стороны Невскаго проспекта, и въ нее выходили окна магазиновъ серебряныхъ издѣлій Баймакова, Владимірова и др. Въ слѣдующемъ большомъ домѣ, Лѣсникова, доходившемъ до угла площади Казанскаго собора, помещались, такъ называемые, Милютинскія лавки—лучшіе въ Петербургѣ

¹⁾ Впослѣдствіи наглухо залѣзанную со стороны сада.

гастрономическіе магазины Осетрова, Смурова, Кузнецова и пр.—а въ самомъ верху, въ 3-мъ этажѣ со значительно меньшими окнами находился нѣкогда самый фешенебельный послѣ пансіона г-жи Труба—пансіонъ Е. П. Заслєвкиной, воспитавшей въ своихъ стѣнахъ, за долгое время своего существованія, не одну сотню молодыхъ дѣвушекъ — петербургскихъ и провинціальныхъ обывательницъ.

На широкомъ тротуарѣ параллельно главному фасаду Гостиного двора со стороны Невскаго проспекта—съ четверга Вербной недѣли до субботы вечера — происходило оживленное гулянье.—Вдоль тротуара на мостовой выстраивался непрерывный, сплошной рядъ маленькихъ лавочекъ подъ тесовыми или парусинными навѣсами, въ которыхъ быстро раскупались—всякаго рода игрушки, искусственные цвѣты, изукрашенные восковыми херувимами пучки вербы, различныя лакомства—халва, рахатъ-лукумъ, разнообразныя пряники.—Проворныя мальчишки сновали въ толпѣ со связкой красивыхъ воздушныхъ, разноцвѣтныхъ шаровъ,—предлагали прохожимъ въ маленькихъ стеклянныхъ баночкахъ, наполненныхъ водой, то маленькихъ чертиковъ, то американскихъ звѣрей и т. п. Отъ нажиманія резины—миниатюрныя фигурки тонкаго стекла подпрыгивали, то поднимаясь вверхъ, то спускаясь на самое дно.—Подъ арками Гостиного двора вербный торгъ начинался съ понедѣльника—мѣста противъ магазиновъ снимались торговками, раскладывавшими на небольшихъ столикахъ свой товаръ, состоящій главнымъ образомъ изъ предметовъ рукодѣлья—тутъ были и газоны съ искусственными цвѣтами, наполненные золой замѣнъ земли, длинныя гирлянды бумажныхъ розъ, абажуры изъ цвѣтной бумаги, плетенныя кружева, вязанныя чулки, шапочки, кофты, перчатки и пр.—Со стороны Невскаго на такихъ же столикахъ греки въ красныхъ фескахъ продавали различныя сорта халвы и душистаго Константинопольскаго рахатъ-лукума.

Громадная Адмиралтейская площадь ¹⁾ отъ Александровской колонны до памятника Петра I на Сенатской площади—застранивалась на масляницѣ и Святой недѣлѣ массой балагановъ, изъ которыхъ самыми значительными по величинѣ были принадлежавшіе Малафѣеву и Легату, въ которыхъ давались, пользовавшіеся особеннымъ успѣхомъ у гуляющей публики и привлекавшіе массу зрителей: „Взятіе Гуниба, плѣнь Шамиля—битва Русскихъ съ Кабардинцами“ и пр. Каждое изъ представленій

¹⁾ Занятая въ настоящее время Александровскимъ садомъ.

заканчивалось непрерывной пушечной пальбой и исполненіемъ излюбленнаго патріотическаго „Славься, славься, нашъ Русскій царь“ и т. д.

Въ другомъ балаганѣ, гдѣ публика кружилась въ лодкахъ вокругъ громаднаго вала — традиціонный балаганный дѣдъ съ пеньковой бородой занималъ толпу остроумными шутками, заключавшимися главнымъ образомъ въ перечисленіи заслугъ и достоинствъ его „старухи“, которая безъ зубовъ грызла орѣхи, безъ капусты варила щи, безъ иглы шила сорочки и т. д. Несмотря на всѣ эти особенныя свойства жены, дѣдъ, обращаясь къ публикѣ, заявлялъ, что согласенъ любому изъ присутствующихъ отдать ее — даже „безъ придачи“ или „обмѣнять на молодую да пригожую“. Его слова, вызывавшія дружные взрывы смѣха, комментировались; изъ толпы давались реплики: „оставайся-ка, старина, при своей — а намъ наши хороши“ и т. д. Дѣдъ всегда импровизировалъ свои остроты — такъ увидѣвъ въ публикѣ щеголеватаго мастерового, подзывалъ къ себѣ, говоря: „а ты, братъ, ближе пойдѣ — франтъ сапоги въ рантъ — босый при шпорахъ“, или „погляжу на тебя, служивый — такъ у тебя видать — всего на грошь — аммуниціи — а почитай на рубль и того больше — самой этой амбиціи“ и т. д.

Молодежь съ подсолнухами въ горсти и карманахъ парочками толпилась возлѣ перекидныхъ качель. Высоко влетавшіе на воздухъ взвизгивали отъ страха и волненія. Такіе же возгласы испуга и смѣха слышались и возлѣ высокихъ круглыхъ горъ, по которымъ, быстро перегоняя другъ друга, скользили маленькія, узкія санки.

Тутъ же продавались различныя лакомства и подсолнухи. плитки мака въ меду, различные сорта орѣховъ, мелкіе и крупныя пряники, длинныя, обернутыя въ цвѣтную бумагу съ бахромой, обвитыя золотою нитью, на патокѣ леденцы-сосульки ¹⁾.

Длинной вереницей шагомъ въ одну линію, описывая большой кругъ, тянулись экипажи, преимущественно кареты, изъ открытыхъ оконъ которыхъ выглядывали оживленныя дѣтскія лица. Почти непрерывная пушечная пальба въ большихъ балаганахъ, нестройные звуки музыки струнной и духовой, говоръ и смѣхъ наполняли общимъ гуломъ громадное пространство отъ Зимняго дворца до Исаакіевскаго собора.

Большимъ оживленіемъ въ 60-хъ годахъ отличалось и тра-

¹⁾ Окончательно вытѣсненные изъ употребленія дешевыми карамелями какихъ-то анонимныхъ, неизвѣстныхъ фирмъ.

диціонное 1-е мая гулянье въ Екатерингофѣ, несмотря на то, что обыкновенно въ это время въ Петербургѣ стояла погода холодная и вѣтреная, что не было еще зелени на кустахъ и деревьяхъ и только кое-гдѣ пробивалась мелкая, рѣдкая травка — рабочее населеніе столицы преимущественно мастеровые и рабочіе съ семьями, цѣлыми караванами тянулись послѣ полудня съ узелками провизіи и штофами водки — по направленію къ Калинкину мосту.

Болѣе зажиточные ѣхали на гулянье въ извозчичьихъ пролеткахъ (человѣка по четыре „по чемъ съ пуда“), тогда какъ менѣе состоятельные направлялись въ Екатерингофѣ на шляпкахъ, мѣста въ которыхъ брались приступомъ на маленькихъ пристаняхъ Фонтанки.

Гулянье было модное—оживленное. Были и шарманки, и петрушки, и акробаты, и фокусники, и нѣсколько оркестровъ музыки, и торговцы булокъ, бубликовъ, апельсинъ, лакомствъ и пр.

Въ 8 ч. можно было встрѣтить въ Екатерингофѣ того времени кавалькады изящныхъ амазонокъ, гвардейскихъ офицеровъ—изящныя ландо и кареты, маленькіе шарабаны и узенькія эгоистки, запряженныя кровными рысаками, которыми щеголяло именитое купечество. Модницы того времени непременно на гуляньѣ въ Екатерингофѣ обновляли свои весенніе туалеты—большія шляпы съ цвѣтами и перьями, широкіе бурнусы, дорогія мантильи, обшитыя цвѣтнымъ кружевомъ.

Такимъ же народнымъ праздникомъ было традиціонное гулянье „смотрины невѣстъ купческаго сословія“ въ Духовъ день въ Лѣтнемъ саду — омраченное въ 1862 г. 28 мая небывало грандіознымъ пожаромъ Апраксина толкучаго, Щукина дворовъ — повлекшее за собой разореніе сотни мелкихъ торговцевъ.

Массу публики привлекалъ въ Павловскій вокзалъ „король вальсовъ Іоганнъ Штраусъ ¹⁾), общій любимецъ дамъ 60-хъ годовъ.

Стоило ему появиться въ оркестръ, взмахнуть своей дирижерской палочкой, какъ цѣлая толпа восторженныхъ, пышныхъ, экспансивныхъ поклонницъ въ кринолинахъ, широкихъ бурнусовъ, шляпахъ *saléche* устремлялась къ эстрадѣ, устраивая шумную овацію своему любимцу. Раздавались возгласы, аплодис-

¹⁾ Авторъ 500 музыкальныхъ пьесъ для танцевъ. Оперетокъ: „Цыганскій барокъ“, „Калиостро“, „Веселая война“, „Римскій карнавалъ“ и др.

менты, мѣшавшіе несравненно, вдохновенному дирижеру, отвѣчавшему поклонами на всѣ стороны, вступить сразу къ исполненію своей обязанности.

Мужчины въ длинныхъ по талии „пальмерстонахъ“, накидкахъ „альмавивахъ“ — закидывавшихся однимъ концомъ на плечо, и въ узкихъ высокихъ цилиндрахъ — раздѣляли часто восторгъ и увлеченіе дамъ. исполнительницъ излюбленныхъ вальсовъ „Juristen ball-Tänze“, „Morgenblatten“, „Acceleration“ и пр.

Представляется мнѣ на музыкѣ въ Павловскомъ вокзалѣ видная фигура, благородная осанка Августѣйшаго хозяина Павловска, великаго князя Константина Николаевича въ формѣ Гродненскаго гусарскаго полка ¹⁾, съ моноклемъ въ правомъ глазу, съ малиновымъ кепи на головѣ.

Кепи (сохранившіяся и по нынѣ въ войскахъ французской арміи), какъ головной уборъ, первенствовали надъ всѣми остальными того времени. Ихъ носили кадеты, юнкера, гимназисты-классики, офицеры и нижніе чины армейскихъ и гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ.

Въ 1862 г., когда въ битвѣ при Аспро-Монте былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ популярный итальянскій патриотъ Джузеппе Гарибальди—пользовавшійся большою симпатіей русской публики—въ большой модѣ были низенькія (на подобіе черногорскихъ) мягкія круглыя шапочки ²⁾, которыя особенно часто можно было видѣть на дѣтяхъ; платья-юбочки съ пришитыми къ нимъ блузками, съ напускомъ носили названіе „гарибальдокъ“.

Одновременно въ модѣ были зашитыя золотомъ по сукну безрукавки—такъ называемыя зуавки ³⁾, дамскіе бедунны изъ мягкаго, преимущественно бѣлаго кашемира, съ пышными кистями, ангорской шерсти—напоминавшіе одѣяла кочующихъ обитателей африканской пустыни.

Любимымъ украшеніемъ домашняго дамскаго наряда, того времени, были издѣлія изъ полированного каменнаго угля: брошки, серьги, медальоны, а въ особенности длинныя стѣти „à la Benoiton“ въ честь французской комедіи „la famille Benoiton“, особенно долго продержавшейся въ репертуарѣ Михайловскаго театра 1862—63 годовъ, благодаря талантливой игрѣ артистовъ M-me Naptal Arno, Itella-Collas, M-s Worns и др.

¹⁾ Котораго онъ былъ шефомъ.

²⁾ Въ какой изображенъ былъ Гарибальди плѣнникомъ на Капрерѣ.

³⁾ Зуавы французскіе пѣхотницы въ арабскомъ костюмѣ.

Изъ пьесъ русскаго репертуара помнятся мнѣ „Хижина дяди Тома“ съ талантливой (недавно скончавшейся) г-жей Читау, „Воробушки“, „Бѣдность не порокъ“, „Женихъ изъ Ножевой линіи“, „Не въ свои сани не садись“, „1-е Ноября или я именинникъ“, „Помолвка въ Галерной Гавани“ и пр.

Въ модѣ были веселые, остроумные водевили, въ которыхъ неподобны были: г-жа Линская въ роли комическихъ старухъ и г. Монаховъ¹⁾ — кутиль, отставныхъ маіоровъ и лихихъ кавалеристовъ. Его исполненіе многихъ злободневныхъ куплетовъ приводило въ неописуемый восторгъ всю публику отъ 1-хъ рядовъ партера и бельэтажа до галерки и райка—включительно. Его куплеты съ припѣвами „Мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь“ или „Ваша рѣчь есть истина святая... ужъ мы ѣли, ѣли, ѣли, ужъ мы пили... или впрочемъ я молчу, молчу — это я шучу, шучу, чики-чики-чу не хочу“, вызывали цѣлую бурю аплодисментовъ и нескончаемыя требованія „бисъ“.

Большимъ успѣхомъ на сценѣ Александринскаго театра пользовались П. А. Каратыгинъ²⁾, Самойловъ, г-жи Жулева, Струйская, Левкѣва и др.

Въ балетѣ дѣлили лавры и имѣли симпатіи публики г-жи Муравьева, Гранцева, Пестина, Кошева, г.г. Стуколкинъ, Пишо, Кшесинскій въ балетахъ „Жизель“, „Конекъ Горбунокъ“, „Царь Кандавлъ“, „Дочь Фараона“ и др.

Въ Буффѣ того времени, помѣщавшемся въ маленькомъ небольшомъ деревянномъ помѣщеніи цирка, гдѣ давались представленія, въ видѣ героическихъ пантомимъ изъ боевой жизни Славянскихъ племенъ, „Смерть Марко Боцара“ и др. дебютировала дива той эпохи—г-жа Шнейдеръ, за ней Жюдикъ и др. Давались впервые оперетки: „Орфей въ аду“, „Синяя Борода“, „Прекрасная Елена“ и др.

Времена измѣнились...

Отошло въ область преданій старины — существованіе въ Невской столицѣ будочниковъ въ каскахъ съ шишаками, почтальоновъ, разносившихъ письма въ штемпельныхъ 10 к. конвертахъ, съ обязательной уплатой 3 к. за ихъ доставку въ обывательскія квартиры, снабженныя нынѣ ящиками „для писемъ и газетъ“. Исчезли безслѣдно сбитещики-саечники, на углу Невскаго и Садовой. Надъ воротами обывательскихъ домовъ

¹⁾ Рано скончавшійся и не имѣвшій подобнаго себѣ замѣстителя.

²⁾ Котораго я часто встрѣчала въ домѣ дяди ген.-ад. Слѣпцова.

не только столицы—но и большихъ городовъ появились объявленія, запрещающія доступъ на дворы всякаго рода продавцевъ, старьевщиковъ и т. п. Запрещеніе это распространялось и на странствующихъ музыкантовъ, шарманщиковъ, пѣвцовъ, акробатовъ — непремѣнныхъ участниковъ народныхъ гуляній минувшаго прошлаго.

Позабыты люди той эпохи. Только на выцвѣтшихъ отъ времени дагеротипахъ ¹⁾ на полинявшихъ за давностью—фотографическихъ снимкахъ сохранились изображенія модницъ 60 годовъ въ широкихъ кринолинахъ, пышныхъ бедуинахъ, турецкихъ шаяхъ, зуавкахъ и гарибальдкахъ; мужчинъ — въ типичныхъ пальмерстонахъ съ узкими высокими цилиндрами на головахъ; дѣтей—съ плочеными брезочками (оборками на шеѣ въ видѣ воротничковъ) и пр.

Освобожденіе крестьянъ въ 1861 г. отъ крѣпостной зависимости новая эра въ жизни народа, празднованіе тысячелѣтія Россіи въ 1862 году; грандіозный пожаръ въ Апраксиномъ и Щукиномъ дворѣ въ томъ же году — цѣлый рядъ реформъ и преобразованій въ государственномъ управленіи, многія событія исторической жизни др. европейскихъ народовъ, встрѣчавшіе отголоски въ Россіи, сохранились въ памяти не многихъ оставшихся въ живыхъ современниковъ, какъ воспоминаніе о чемъ-то давно минувшемъ, и Петербургъ съ его до неузнаваемости измѣнившимся въ XX вѣкѣ наружнымъ видомъ не только самаго центра, но и окраинъ, представляется для давно ²⁾ не побывавшихъ въ немъ — совершенно инымъ, чуждымъ, далекимъ—шумнымъ, моднымъ, богатымъ.

М. Марина.

¹⁾ Фотографическое изображеніе на мѣдной пластинкѣ, покрытой іодистымъ серебромъ.

²⁾ Лѣтъ 40 тому назадъ.